

УДК 81'373.612.2 + 81'42

ТЕКСТЫ, ОСНОВЫВАЮЩИЕСЯ НА ПЕРСНИФИКАЦИИ ОТВЛЕЧЕННЫХ ПОНЯТИЙ

О.И. Ревуцкий

доцент, кандидат филологических наук,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: irina_kovalevich@list.ru

Устанавливаются характерные для исследуемых текстов доминантные смысловые компоненты, определяющие особенности композиционно-смысловой структуры. Выявляются основные типы текстовых композиционных схем. Определяются особенности построения и организации персонифицирующих тропов в соответствии с факторами текстотипологического характера.

Ключевые слова: текст-троп, персонифицирующая метафора, смысловые компоненты, композиционная структура, текстотипологические факторы.

TEXTS BASED ON PERSONIFICATION OF ABSTRACT NOTIONS

O.I. Revutskiy

associate Professor, Cand. Phil. D.,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: irina_kovalevich@list.ru

The article is a study of dominant semantic components which determine the compositional-semantic structure of the texts under analyses. Basic types of text compositional schemes are defined. Peculiarities of composition and organization of personifying tropes are revealed in accordance with text-typological factors.

Key words: text-trope, personifying metaphor, semantic components, composition structure, text-typological factors.

Введение

Среди поэтических текстов, организованных по принципу тропов, наиболее распространены такие, которые основываются на персонификации, то есть на уподоблении предметов и явлений действительности человеку. Персонифицироваться могут и конкретные, и абстрактные понятия. Среди последних персонификации подвергаются преимущественно понятия, имеющие отношение к духовному миру человека. Начало этому процессу было положено в глубокой древности, когда человек уподоблял себе все окружающее.

В связи с тенденцией поэтического творчества к усложнению образной информативности троповость, рассматриваемая в современной филологии как средство двойного кодирования реальности, стала распространяться и на целые поэтические тексты. Это привело к выдвиганию понятия текста-тропа. К числу одного из основных признаков подобных текстов мы относим соответствие качеству троповости не только отдельных текстовых элементов, но и предельно сжатой формулировки его смысла. Например, смысл текста есенинского стихотворения «Береза» можно сконцентрировать в виде следующей формулировки: «береза (тема) оделась в зимний наряд (рема)». Формулировка эта сама по себе метафорична. Второе условие троповости текста – это тенденция включающихся в его состав тропических элементов к повторяемости и к замещению сильных позиций текста: употребление в качестве заглавия, в начале текста, в конце и в других композиционно значимых позициях.

Изучение текстов-тропов актуально и важно как для текстоведения, так и для теории тропа, в частности метафоры. Однако принимая во внимание то, что персонификация, выраженная в текстах, отличается повышенной концентрацией образных ассоциаций и представлений и часто опирается на прецедентные тексты, следует подчеркнуть и важность исследования подобных текстов для когнитивной лингвистики. Как справедливо замечает В. А. Маслова, текст представляет собой развернутый концепт, в то время как концепт можно считать свернутым текстом [1, с. 36]. Принимая понятие текста-тропа, мы исходим из выдвинутого Дж. Лакоффом и

М. Джонсоном положения о том, что троповость способна распространяться на целые тропические фрагменты.

Цели и задачи исследования

Цель настоящей статьи – выявить особенности текстов-тропов, основывающихся на персонификации отвлеченных понятий на основе ряда текстотипологических критериев: способы выражения базовых смысловых компонентов, имеющих композиционную значимость, установление между ними отношений контекст-партнерства, определение характерных для рассматриваемой категории текстов композиционно-смысловых тем, выявление некоторых особенностей и принципов организации тропов в соответствии с композиционными факторами и жанровым своеобразием.

Методы и материал исследования

Предметом исследования являются стихотворные тексты-тропы ряда русских поэтов второй половины XX века, где основным приемом троповости является персонификация отвлеченных понятий. В исследовании использованы следующие методы: структурно-смысловый метод, сравнительно-сопоставительный метод, контекстуальный анализ.

Результаты и их обсуждение

Наше исследование показало, что из понятий внутреннего мира человека персонификации в тексте чаще всего подвергается обозначение душевного состояния: радость, печаль, горе, тоска; личностные качества; черты характера: доверчивость, простодушие, доброта, отзывчивость; нравственно-оценочное понятие: правда, честь, кривда, совесть, добро, зло; понятия интеллектуальной деятельности: мысль, память, истина, мечта и др. Состав подобных групп строго не очерчен. Персонификации могут подвергаться и другие слова, так или иначе связанные с приведенными по значению.

При анализе текстов тропов необходимо учитывать ряд текстотипологических характеристик. Одна из них – это особенности ключевых элементов смысла: некоторые имеют характер тропов, а другие являются инструментами развертывания тропически выраженного содержания. Подобные элементы,

как правило, имеют и композиционную значимость.

Анализ большого количества тестового материала позволяет сделать вывод, что такими составляющими в серии текстов, основанных на персонификации являются следующие: отвлеченное понятие, подвергшееся персонификации, иначе говоря, персонифицирующая метафора, персонаж, представляющий автора текста, который является своего рода моделью личности реального автора. В связи с тем, что основная форма представления автора – это первое лицо, для обозначения автора персонажа часто используется термин Я-субъект. Помимо названных в качестве доминирующих смысловых элементов текста могут использоваться обозначения других персонажей. Это может быть человек, близкий автору, литературный или сказочный персонаж и др. В этой же роли используются и обозначения человеческих коллективов, например: супружеская пара, группа родственников или неопределенно большое человеческое сообщество. Между доминирующими смысловыми компонентами существуют отношения контекст-партнерства, которые, в конечном счете, сводятся к одному предельно обобщенному смыслу – воздействию предмета персонификации на других персонажей, в большинстве случаев – на автора-персонажа. В некоторых группах текстов главный смысл сводится к оценке автором предмета персонификации, которому придаются черты человеческой личности.

Состав доминирующих смысловых компонентов текста и характер присущих им отношений контекст-партнерства является основой для определения композиционных схем текстов, имеющих типологическую значимость. В свою очередь, установление типов подобных схем может стать основой для дальнейших обобщений, которые касаются особенностей построения и развертывания тропов. При типологизации композиционных схем нами были выделены их опорные, базовые типы и те, которые представляют собой усложнения последних. К числу базовых мы относим две таких схемы. Первой соответствуют тексты с одним доминантным компонентом представляющим собой персонифицированную метафору. Второй, более распространенный тип, представляет тексты с двумя доминирующими компонентами: предметом персонификации и автором-персонажем. В качестве примеров второго типа можно назвать стихотворения Л. Мартынова «Тревога» и «Будничность», Б. Окуджавы «Я вновь повстречался с надеждой...», В. Ходасевича «Горе», С. Острового «Лень» и «Дуэль», А. Вознесенского «Невезуха», В. Цибина «Доверчивость» и «Воспоминания» и др. Отношения контекст-партнерства в данных текстах весьма разнообразны. Распространенный

случай – это оказание метафорически созданной личностью какого-либо влияния на автора-персонажа, как правило, отрицательного. А позиция автора часто заключается в сопротивлении этому воздействию, однако в конце автор может пересматривать свое первоначальное отношение. Организация композиционных схем текстов часто носит и более сложный характер. Известны, например, тексты, в композицию которых включаются два персонифицированных понятия, часто связанные между собой отношениями сопоставления или противопоставления. Таковы тексты С. Острового «Честность», М. Цветаевой «Гордость и робость», Э. Осадова «Любовь, измена и Колдун».

В композиционной структуре некоторых текстов фигурируют два человеческих персонажа и один, созданный на основе персонификации понятий (Р. Рождественский «Ссора» и «Мода»). Приведенные тексты с тремя компонентами отличаются четкостью и симметричностью построения. Основной принцип организации смысловых блоков – параллелизм. Однако не редко встречаются случаи, когда отдельные смысловые блоки выпадают из общего рисунка, отличаясь большей протяженностью и развертываемостью по принципу последовательности.

Большая часть рассматриваемых в статье текстов соответствует общим канонам лирики. Такие тексты включают элементы описания, рассуждения, режиссуры – повествования. В них широко распространены разные приемы построения чужой речи: монологи, диалоги, побудительные конструкции. При этом в роли говорящих очень часто выступают именно персонажи, созданные на основе метафоры. Нужно утверждать, что наиболее распространенным средством персонификации является речь. Они участвуют в спорах, убеждают, опровергают. Однако, подобным персонажам часто приписываются признаки человеческой внешности, которые различаются в зависимости от того, является ли персонаж положительным или отрицательным. Часто встречается моделирование человеческого поведения. При этом персонифицированный персонаж как бы берет на себя многое из поведения представленного в тексте человеческого персонажа. В подобных случаях персонификация сближается с метонимизацией.

Среди текстов рассматриваемой серии немало таких, которые отличаются высокой концентрацией текстовых и локальных тропов, причем некоторые из последних могут принадлежать разным типам. Так, наряду с персонифицирующей метафорой может соседствовать метафора анималистическая, основывающаяся на уподоблении животному, например, клевета в стихотворении С. Острового не только осуждает, но и подглядывает в замочные скважины, ползет сквозь сорную траву.

Для текстов с персонифицированными отвлеченными понятиями характерно привлечение фоновых знаний и прецедентных текстов. В этом плане наиболее показательны тексты, основывающиеся на обыгрывании афоризмов и сказочных сюжетов. Такие тексты находим у С. Острового, Л. Мартынова, Е. Евтушенко и ряда других авторов. В пресуппозицию текста С. Острового «Истина» входит мысль о том, что истина постоянно должна быть в поиске и никогда не останавливаться на достигнутом, поскольку это грозит ей превратиться в догму. Образно-тропеическое моделирование такого превращения в догму у С. Острового осуществляется с опорой на имеющую широкое хождение в разных вариантах притчу о неправильном воспитании, когда из любви к ребенку родители оберегают его от всяких трудностей, не понимая, что это наносит ему огромный вред. В роли юного существа как объекта воспитания в стихотворении С. Острового выступает истина, а в роли воспитателя, приемного отца – автор-персонаж. Сюжетная линия текста передает постепенную деградацию истины, которая становится все более эгоистичной, самодовольной, презрительно относящейся ко всему и всем. Приемный отец, несмотря на это, продолжал кропить истину слезами умиления. Однако позднее он отказался от подобного отношения и пришел к выводу, что истину, для ее же пользы, нужно отправить в странствие. Смысловая линия, связанная с поведением людей, и линия, имеющая отношение к истине как категории знания, пересекаются, причем элементы второй как бы вклиниваются в первую.

Начало текста дает основание считать, что поэт имел в виду и свою истину, добытую тяжелым трудом: *Извел я десять тонн чернил / И как-то, в пору лютую, / Я Истину удочерил, худую необутую...* На основании этого можно сделать вывод, что автор, предельно утомленный своими поисками истины, решил остановиться. Второй реальный план тропа просматривается в приписываемых истине словах (... *вдруг стала Догмой звать себя, / а ласково – Догматика*), а также в словах автора в заключительной части текста (*Я знаю: Истина в пути...*).

В ряде текстов, основывающихся на фоновых знаниях, метафорически представленные персонажи выступают в роли людей, совершающих путешествие. Таков, например, текст Л. Мартынова «Любовь», где проводится параллель «Любовь – Красная Шапочка» и частично обыгрывается сюжет этой сказки.

Основное содержание стихотворения таково: Любовь, заблудившаяся, как Красная шапочка, шла к некоему рубежу, где ее ждал дремлющий волк. На вопрос волка о том, кто она, Любовь сначала не смогла дать однозначного ответа, сказав, что каждый понимает любовь по-своему: *Любовью к порядку зовет меня твердая Власть, / Любовью к доходам меня называют дельцы, / Любовью к походам считают меня удалцы* и т. д. Главной же в этом перечне названа любовь к свободе. Сказав это, Любовь-Красная Шапочка почувствовала огромный прилив сил и прогнала испугавшегося волка. Показательно, что во включенных в текст стихотворения фрагментах сюжета сказки «Красная Шапочка» обнаруживается некоторая перестановка событий. В сказке в роли спрашивающей оказывается сама путешественница, а в тексте Л. Мартынова вопросы задает волк. В сказке «Красная Шапочка» становится жертвой волка, а здесь она одерживает над ним верх.

Сценарий путешествия положен также в основу текста С. Ботвинника «Были войны, расстрелы, увечья...», Л. Мартынова «Печаль-путешественница», Е. Евтушенко «Приключения мысли» и других поэтов. Достаточная распространенность содержания подобных текстов с частой опорой на фоновые знания и некоторые особенности организации текстовых тропов дают основание говорить об их принадлежности к подобным текстам к одному текстотипу.

Выводы

Предпринятое исследование позволяет отметить следующее: поэтические тексты-тропы, основывающиеся на персонификации отвлеченных понятий, имеют ряд особенностей, отличающих их от текстов, которые основываются на персонификации конкретных понятий. Это касается набора приписываемых объектом персонификации признаков, свойственных человеку. Например, метафорически моделированные персонажи очень часто выступают как говорящие. Большинство текстов рассматриваемой серии основываются на контекст-партнерстве таких персонажей с персонажами-авторами. Весьма характерно также частое включение в тексты и других персонажей: групп людей и человеческих сообществ. В текстах рассматриваемой серии четко вырисовывается определенная композиционная схема. Развертывание содержания часто осуществляется по сюжетному принципу, при этом часто обнаруживается опора на фоновые знания.

Литература

1. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. – Мн. : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

References

1. Maslova V. A. (2004) Kognitivnaya lingvistika [Cognitive Linguistics]. Minsk : TetraSystems. (In Russ).